

Брюсовские чтения 2010 года: Сборник статей / ЕГЛУ; редкол.: С.Т. Золян и др. Ереван: Лингва, 2011. 448 с.

Рецензируемый сборник продолжает давнюю традицию — публиковать сообщения и доклады, прочитанные на Брюсовских чтениях, которые проходят с 1960-х годов каждые два года в Ереване на базе теперь уже Ереванского лингвистического университета имени В.Я. Брюсова (отметившего в 2010 г. свое 75-летие) и собирают маститых и начинающих брюсоведов из разных уголков мира (последнее время все больше из России и Армении). Опубликованные работы сгруппированы по разделам: I «Проблемы творчества В.Я. Брюсова»; II «В.Я. Брюсов в диалоге культур»; III «Сообщения»; IV «Публикации». Однако такое деление все же можно считать достаточно условным, ибо иные «сообщения» разрослись и приобрели проблемный характер.

Естественно, что значительная часть сборника была отведена исследованиям, касающимся роли Брюсова в пропаганде армянской литературы в русской читательской среде и его работы как собирателя и издателя армянских литературных текстов, а также контактам с деятелями армянской культуры начала XX в. Так получилось, что проведение Брюсовских чтений 2010 года совпало с выходом в 2009 г. в свет прекрасно иллюстрированного научного издания-антологии «Армянская историческая проза и поэзия (V–XVIII вв.)», воплотившего в жизнь проект Брюсова, не осуществленный в свое время, и это не могло не стать предметом размышлений инициаторов воплощения брюсовского замысла. Н.П. Сейранян, являющаяся составителем и редактором антологии (научное консультирование осуществлял ректор ЕГЛУ им. В.Я. Брюсова, профессор С.Т. Золян), поделилась своими соображениями по поводу отбора текстов, формы и типа сопровождающих их материалов и комментариев. Она констатирует, что в целом удалось сохранить основные требования Брюсова, хотя отдельные положения его «Записки» об «Айастане» (такое название предполагалось вначале) были скорректированы в процессе подготовки книги. В ней, как и желал поэт, оказалось представлено почти все жанровое разнообразие армянской исторической литературы: жития, мифологические тексты, эпистолярные и мемуары, образцы ораторской речи и фольклорные произведения, путевые заметки,

духовные гимны — шараканы. Н.П. Сейрамян объяснила, почему не были включены произведения XIX в. (их почти невозможно дать в отрывках, и они представляют собой в основном художественные тексты в чистом виде), почему объем книги оказался значительно расширен за счет летописного исторического материала, чем были вызваны те или иные рубрикации книги и т.п. Ученый не скрыла, какие трудности возникали в процессе работы: она упомянула о расхождении с представителем Ереванского государственного университета М. Джанполадян по некоторым вопросам — жаль только, что эта полемика предшествует полемическому сообщению указанного автора, помещенному вслед за высказыванием Н.П. Сейрамян. Читателю легче было бы ориентироваться в возражениях составительницы, если бы он уже знал о существующих замечаниях.

Новую информацию о ранее недостаточно освещенной в научных источниках инициативе Карена Микаэляна по изданию «Поэзии Армении» можно получить из сообщения Р.А. Багдасарян. Автор выяснила, что этому деятелю культуры удалось заинтересовать Брюсова в необходимости сделать достоянием русской общественности духовные богатства армянского народа, убедить армянских поэтов отдавать свои стихи в сборник, контролировать процесс печатания книги. Микаэлян изыскал необходимые средства для издания, сумев убедить в важности начинания Московский Армянский комитет, нашел бумагу, а после выхода из печати публиковал информацию о книге в различных источниках и рассылал ее желающим. В сообщении приводятся обширные выдержки из переписки Микаэляна, например, со знатоком армянской литературы Ю. Веселовским и другими членами редакции, а также свидетельства того, что отношения с Брюсовым не прерывались и позднее (жаль только, что не расшифрована аббревиатура ГМЛИ, где находятся цитируемые письма).

К переводческой деятельности поэта, а также к переводам «из Брюсова» обратились несколько исследователей. Сопоставление различных переводов, сделанных Брюсовым, с переводами его современников (К. Бальмонта), переводчиками более позднего времени (Э. Авагян) объединило выступления И.К. Погосян, обратившейся к стихотворению П. Дуряна «Моя скорбь», и Н.С. Пепанян, проанализировавшей русские и армянскую версию сонета Шелли «Озимандия». К.Г. Беджания дала высокую оценку переводу на английский язык сонета Брюсова «Женщине», сделанному американской поэтессой и переводчицей Диной Беляевой. Надо отметить высокий стиховедческий уровень анализа, продемонстрированный упомянутыми авторами, которые, помимо конкретных наблюдений и выводов,

проявили недюжинную осведомленность в вариациях формы сонета у разных авторов и народов, в использовании в этой жанровой форме определенных приемов и рифмовки. В какой-то степени примыкает к этому «триумvirату» работа А.А. Эйрамджян, которая поделилась своим опытом работы с магистрантами и студентами, будущими переводчиками. Ее вывод: трудно найти более «удачного» автора для формирования у учащихся лингвокультурологического мышления, чем Брюсов, поскольку его поэзия дает необыкновенно широкий диапазон фоновых знаний о мировой культуре. Конечно, на грустные размышления наводят приведенные ею примеры: учащимся ничего не говорит имя Марии Стюарт и мифологема «блудный сын», они ничего не слышали о скифах и ничего не знают о городе Помпея (это результат сегодняшних реформ общеобразовательной системы). Но именно стихотворения Брюсова, сопровождаемые комментариями и таким образом превращенные в гипертекст, позволяют осваивать культурологические компоненты, без знания которых невозможна работа переводчика.

Самостоятельную ценность работ армянских авторов представляет библиографии, прилагаемые к статьям. Из них русский читатель может узнать о выходе книг, которые в последние десятилетия с трудом преодолевают границы. Так, думаю, неизвестной многим оставалась книга литератора начала XX в. П. Макинцяна «Силуэты» (1980), а также обширный труд «Брюсов и Армения» (1989).

В определенной степени своеобразным переводом-переложением и соответственно примыкающим к предыдущим работам можно считать поэтический пересказ Брюсовым данной Достоевским в прозаической форме индийской басни «Лев и Свинья». Помимо чисто конкретных сведений автор текста Н.Ф. Шипунова совершенно справедливо задается вопросом, что могло привлечь Брюсова к этой басне в 1916 г.? Она высказывает несколько предположений. Первое: Брюсова могла увлечь сама возможность стихотворной обработки прозаического текста; второе: его могла заинтересовать тематика произведения — в аллегорической форме преподнесенные взаимоотношения редактора и читателя (правильнее было бы сказать — критика-оппонента). Думается все же, что более верным кажется упомянутое вскользь желание Брюсова попробовать себя в жанре, отнюдь для него не привычном, ибо журнальная полемика к 1916 г. не была для него актуальной, а в своих версификаторских способностях он уже давно убедился... И анализ басни, проделанный Н.Ф. Шипуновой, доказывает, что с новой задачей Брюсов блистательно справился — его стихотворное решение оказалось значительно совершеннее, чем источник.

Как расширение наших представлений о тематике интересов поэта, уже с молодости ставившего перед собой трудоемкие задачи, можно расценить характеристику сочинения второкурсника Московского университета Валерия Брюсова «Поэмы и элегии Солона (1894)», данную А.А. Рогинским, и подивиться тем «вольностям», которые допускались в конце XIX в. в работах такого рода. Можно ли себе представить сегодня в курсовой студента такой абзац: «Когда поэт долгое время не виделся со своей музой, ласки ее на свидании бывают вдвое более страстными!» (с. 230). О бескрайности замыслов Брюсова свидетельствует и опубликованная И.А. Атаджанян его статья о Ломоносове, во многом представляющая конспект одной из работ великого русского ученого.

«Отношениям» Брюсова не с предшественниками, а с современниками посвящены основательные работы А.Ю. Романова, А.Г. Чулян, Д.И. Петренко. Первые два ученых взяли «под прицел», пожалуй, самую знаменитую пару «соперников» в поэзии — Брюсова и Бальмонта — и изучили — первый — реакцию современников на их выступления и взаимные оценки, второй — воспроизведение реалий северной природы в стихах обоих поэтов. Причем вряд ли можно принять без оговорок взаимоисключающие утверждения, которыми заканчивается эта статья: «... в стихах, отражающих «северный мир», Брюсов изображает импрессионистический пейзаж», а «в отличие от Брюсова Бальмонт всегда остается верным своему кредо поэта-импрессиониста» (с. 266, 267). Естественен в этом случае вопрос: а в чем, собственно, тогда заключается различие? Петренко же, опираясь на переписку Брюсова и Чуковского, удалось выявить любопытные аналогии в их критических подходах к текстам и общность их переводческих принципов.

Последняя из перечисленных работ тесно соприкасается с анализом писем поэта к его возлюбленной А.А. Шестеркиной, блистательно выполненным Н.А. Богомоловым, сумевшим установить наличие двойной переписки между этими адресатами и частично реконструировавшим на основании черновиков ее «потайную» часть. Значительно уступает этой публикации по уровню комментирования и трактовки публикация писем поэта жене из Парижа в 1909 г., сделанная Н.М. Хачатрян. И хотя публикатор предупреждает, что «примечания носят информационный характер» (с. 415), характер этой «информационности» так и остается непроясненным, ибо совершенно непонятно, почему Мари Лорансен и Жорж Дюамель удостоились указаний дат их жизни, а относительно Ш. Вильдрака, М. Ликиардопуло, Ж. Ромена и многих других читатель остается в неведении, кроме того, не прокомментированы многие инициалы,

например М.О. или С.А. Первый вполне может оказаться М.Ф. (Ли-киардопуло), так как многие имена и фамилии прочитаны очень небрежно (так, напечатано *Walts*, хотя у Брюсова, несомненно, написано *Watts* — английский художник), а второй — это, наверное, Поляков. Список таких неточностей можно продолжить, и это очень огорчительно, так как сам материал представляет огромный интерес, раскрывающий неожиданные стороны личности Брюсова. Более подробно об этой незаурядной противоречивой личности мы узнаем из заметки М.Б. Шапошникова и М.В. Орловой. Казалось бы, описание кабинета в доме Брюсова не сулило каких-то особых открытий, но авторы сумели так преподнести свой материал, что читатель будто бы сам находится в этом помещении и проживает вместе с поэтом почти 15 очень непростых лет. Об отдельных чертах Брюсова-лектора и преподавателя в последние годы его жизни дает представление мемуарный очерк М. Грюнер «Памятный год».

Особо следует сказать о работах Э.С. Даниэлян, ученом, безмерно преданном брюсоведению, постоянно находящем новые повороты и ракурсы в этой области и с энтузиазмом их разрабатывающем. На этот раз она вынесла на суд читателей три (!) своих текста: «В. Брюсов в 1916 году: известный и неизвестный», «В. Брюсов и кинематограф», «Незавершенный роман В.Я. Брюсова “Яфетиды”» (публикация и сопроводительная статья). Первая статья привлекает педантичностью и скрупулезностью. Она дает представление о колоссальном объеме работы, который постоянно сопутствовал творческому развитию Брюсова, и показывает, как много может дать литературоведу даже простое сопоставление работ различной тематики и жанровой направленности, создаваемое художником единовременно. Так явственно обозначено важное направление исследовательской работы, которая должна когда-нибудь завершиться «Летописью жизни и творчества В.Я. Брюсова», которую с нетерпением ждут все, занимающиеся Серебряным веком. И кому, как не Э.С. Даниэлян, возглавить этот труд! Не менее интересна и ее заметка о попытках Брюсова включиться в кинематографическую область. Однако пока намечены только контуры проблемы, предложена информация для размышлений (а как хотелось бы и раскрытия некоторых поворотов «кинематографического сюжета» в биографии Брюсова, соотносении его сценарных «ходов» с тем, что занимало его в области поэзии и прозы, — например, каково было содержание сценария «Родине в жертву любовь» и т.п.). О хорошем, как всегда, знакомстве Брюсова с научными концепциями по поводу существования древних культур свидетельствует начало романа «Яфетиды» (так называли потомков библейского Иоафета, одного из сыновей Ноя, живших на территории

древнего государства Урарту). В сопроводительной статье внимательно прослежены источники возникновения замысла (стоило, наверное, назвать, помимо Лермонтова, и «Витязя в барсовой шкуре»), а также указать на компонент страха, «состав» которого явно стремился исследовать автор («Яфетидов»).

Во всяком случае публикация брюсовского отрывка позволяет более благосклонно принять рассуждения члена Русского общества по изучению проблем Атлантиды (РОИПА) А.А. Воронина, который, как человек увлеченный, всячески стремится убедить читателя, что Брюсов являлся сторонником Примордиальной Традиции, т.е. ревнителем древнейших знаний трансцендентного происхождения, иными словами, художником, работающим в сфере так называемой альтернативной истории, предсказавшим существование африканского племени догонов и пр. Автора статьи не смущает, что письмо путешественника Лео Фробениуса в 1923 г. было адресовано *молодому* ученому: он убежден, что это Брюсов (которому на тот момент было уже 50 лет), так же, ничтоже сумняшеся, он объединяет появившихся в статье М.О. Миньшикова *молодого ученого и знаменитого поэта* в «одно и то же лицо, т.е. Валерия Брюсова» (с. 209).

С убежденностью Э.С. Даниэлян в принципиальной значимости сферы театральных интересов Брюсова, которые воплотились отнюдь не только в написании нескольких пьес и статей (в наследии поэта насчитывается более 200 работ о театре), напрямую связана статья Н.М. Хачатрян «Три парижских спектакля в оценке В.Я. Брюсова», которой удалось доказать оригинальность брюсовского подхода к выбору и интерпретации театральных постановок. Из нее читатель узнает не только о вкусах и интересах Брюсова-зрителя, но и об обстановке на парижской театральной сцене, о репертуарной политике театров и даже о специфике неоромантической драматургии.

Восприятию Брюсовым иных культур также посвящено несколько исследований. Эволюцию образа Юлия Цезаря в наследии поэта раскрыл М.В. Покачалов, обратив внимание на стихотворения разных годов: «Юлий Цезарь» (1905), «Октябрь 1917» и «Цезарь и Клеопатра» (оба — 1920). М.А. Балоян проследил традицию интерпретации горацевской оды «К Мельпомене», начиная с Державина получившей в русской традиции название «Памятник». Сопоставляя различные «Памятники» (Державин, Пушкин, Ходасевич, три стихотворения Брюсова), автор приходит к выводу, что XX в. принес значительное изменение в тематическом ракурсе произведений подобного рода (возникает ироничность, в большей степени «читается» авторская индивидуальность — хотя с утверждением, что в стихотворении Брюсова возникает «психологический портрет поэта» (с. 320),

можно поспорить). Фундаментальным можно считать раскрытие образа «Востока» в поэзии В. Брюсова в исследовании С.С. Давтян. Автор проследила динамику «экзотизма» в наследии поэта, начиная от первых сборников, где упор делался на неожиданность и яркость, через самые совершенные книги Брюсова — “*Tertia Vigilia*”, “*Stephanos*”, “Все напевы”, “Зеркало теней” и др., в которых возникла восточная мифология, сформировалось понимание художником роли исторических личностей и концепция героического. Особое внимание уделено замыслу «Снов человечества», которые должны были отразить «все формы, какие прошла лирика у всех народов во все времена» (с. 105) и что воплотилось в разделах «Египет», «Ассирия», «Индия», «Персия», «Япония», «Индокитай», «Арабы», «Армения». К достоинствам статьи С.С. Давтян следует отнести великолепную осведомленность в мнениях коллег по поводу разрабатываемой тематики, а также умение сочетать содержательный анализ с анализом формы (учитываются жанровые разновидности, способы рифмовки, особая метафоричность и т.д.).

К сожалению, последнее не всегда присутствует в других представленных работах. Неясной по замыслу осталась статья Г.М. Васильевой, которая вся состоит из каких-то отрывочных сведений по поводу упоминания поэтом имен Гете и Фауста (ее название «Гетевский мотив “*Ineffabile*” в творчестве В.Я. Брюсова»). Кроме того, автору следовало бы решить, как все же пишется главное латинское слово, вынесенное в заголовок, а то его различное написание еще более портит впечатление от данной работы. И.А. Атаджанян в целом в интересной статье «Образы Древней Руси и XVIII века в творчестве В.Я. Брюсова» ограничилась исключительно перечислением исторических фигур, не указав, какие стиховедческие элементы использовались поэтом, прибегал ли он к стилизации, обращался ли к существующей традиции воспроизведения народного стиха и т.п. Поэтому резюме работы выглядит весьма «размытым»: «... темы, связанные с русской историей и ее государственными деятелями, всегда оставались в центре внимания Брюсова» (с. 131). Значительно более удачной в этом плане выглядит работа М.К. Айвазян «Фольклор в эстетической концепции Брюсова», в которой с опорой на предисловие поэта к стихам А. Добролюбова, его рецензий на книги С. Городецкого, А. Толстого, Н. Клюева, К. Бальмонта реконструированы теоретические взгляды Брюсова на особенности народной поэзии, своеобразии былин, объяснено, что называл Брюсов «смысловым стихом» (с. 45) и т.п. В этой статье Брюсов выступает в первую очередь как ученый-филолог, стиховед. Эти теоретические подходы помогали поэту в освоении такого жанра, как «песня», чаще всего

применительно к городскому фольклору, и Н.В. Протасова разбирает проекцию этого жанра в одноименном цикле книги “Urbi et Orbi”. Соглашаясь с основными положениями работы, хотелось бы предложить автору подумать и над брюсовскими «недостатками» — ведь все-таки в «Фабричной», «Девичьей», «Детской» улавливается некоторая деланность, искусственность (вряд ли к месту использовано поэтом слово «подробно», скорее всего, неизвестное юной фабричной работнице). И здесь бы очень помогло сравнение с некрасовским опытом работы над песенным жанром. В то же время стоило бы указать на брюсовские реминисценции у Блока в «Двенадцати» («Будут деньги в портмоне» — «У ей керенки есть в чулке»).

Вообще Брюсову-теоретику в сборнике посвящено немало строк. Это и определение места науки в его системе ценностей, и характеристика образа ученого в его творениях (Е.В. Карабегова), и анализ научно-философских воззрений поэта в по-своему итоговой книге стихов «Семь цветов радуги», причем Л.Н. Протасовой удается убедительно раскрыть их на примере всего одного цикла книги — «Оранжевый». С теоретическим аспектом оказываются непосредственно связаны и статьи, вписывающие творчество Брюсова в поэтический контекст эпохи. Об отношении поэта к возникшим новым литературным течениям, в частности футуризму (как проявлению авангардного искусства), пишет К.Э. Штайн, лингвистические основы метапоэтики Брюсова изучила А.Г. Кибирова (она основной упор сделала на восприятии им постулатов В. фон Гумбольдта и А.А. Потемби), И.Н. Иванова попыталась сквозь призму «иронизма» рассмотреть раннее творчество поэта, при этом создано впечатление, что исследовательница несколько преувеличивает действенность этой категории в художественном мире Брюсова.

В целом же сборник при всей, казалось бы, тематической разноразличности, обладает удивительной цельностью. И ею он обязан уникальной личности «героя» всех опубликованных работ — В.Я. Брюсова, что сделало написание этой рецензии для ее автора занятием очень полезным и приятным. Но облегчить ее создание могло бы приложение, где были бы даны сведения об авторах с расшифровкой инициалов. Учитывая однотипные окончания армянских фамилий, не всегда удавалось понять, кем является написавший — мужчиной или женщиной, поэтому заранее приношу извинения за возможные неточности.

М.В. Михайлова

Сведения об авторе: Михайлова Мария Викторовна, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы XX–XXI веков филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: mary1701@mail.ru